

Козлова С. А. Традиционное животноводство старообрядцев (семейских) Забайкалья : динамика и символика / С. А. Козлова // Научный диалог. — 2019. — № 4. — С. 272—286. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-4-272-286.

Kozlova, S. A. (2019). Traditional Animal Husbandry of Transbaikalia Old Believers (Semeiskiye): Dynamics and Symbolism. *Nauchnyi dialog*, 4: 272-286. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-4-272-286. (In Russ.).

УДК 94(571.54/.55)“18/20”:636

DOI: 10.24224/2227-1295-2019-4-272-286

Традиционное животноводство старообрядцев (семейских) Забайкалья: динамика и символика

© Козлова Светлана Алексеевна (2019), orcid.org/0000-0001-5056-0346, старший преподаватель кафедры охотоведения и биоэкологии, Иркутский государственный аграрный университет имени А. А. Ежевского (пос. Молодёжный, Иркутская область, Россия), svetsergol@yandex.ru.

Статья посвящена рассмотрению традиционного животноводства в хозяйственных комплексах старообрядцев (семейских), которые проживают в Забайкалье в долинах рек Селенги, Хилка и Чикоя с середины XVIII века. Отмечается, что животноводство семейских всегда носило подсобный характер и включало в себя разведение крупного и мелкого рогатого скота. Животноводческий комплекс рассматривается в динамике в течение XIX, XX и начала XXI века. Показано, что трансформационные процессы в хозяйствах семейских, связанные с историческими переходами, случившимися в XX веке, такими как установление советской власти, перестроечный период, определили современный облик животноводческого хозяйства. Автор указывает, что нематериальная культура семейских содержит в себе множество элементов языческой тематики допетровской эпохи, выражающихся в обрядах, поверьях и приметах. В статье это прослеживается в отношении к животным и получаемым от них продуктам. Сообщается, что особенное отношение у семейских сохраняется к лошади. Автор доказывает, что оно представляет собой реликтовое явление старославянского древнего культа коня, которое можно наблюдать и в наши дни. При написании данной работы использованы архивные источники, введенные в научный оборот, а также полевые материалы автора за 2007—2017 годы.

Ключевые слова: старообрядчество; семейские Забайкалья; животноводство; динамика; символика.

1. Введение

При переселении старообрядцев в Забайкалье государство ставило целью развитие земледелия, поэтому животноводство в старообрядче-

ской среде Забайкалья носило и носит подсобный характер по сравнению с земледелием. Старообрядцы, переселенные с захваченных территорий Польши в первой половине XVIII века на территорию Забайкалья, получили местное самоназвание *семейские*, поскольку переселялись семейными группами. На новом месте были сформированы системы жизнеобеспечения, которые основывались на использовании природных ресурсов края [Козлова, 2012; Козлова, 2012а; Козлова, 2013]. Государство поощряло переселенцев финансами, земельными наделами, орудиями труда, различными предметами быта, а также скотом. Скот закупалялся у местного населения, а также доставлялся из европейской части России. Особенности включения животноводческого комплекса семейских в системы жизнеобеспечения рассматриваются исследователями с позиций культурной географии [Рагулина, 2004] и этнической экологии [Ямсков, 2004; Ямсков, 2017а; Ямсков, 2017б; Ямсков, 2018].

Территория расселения семейских, находящаяся в фокусе нашего исследования, включает современные Тарбагатайский, Мухоршибирский и Бичурский района Республики Бурятия, Красночикоийский район Забайкальского края в пределах бассейнов рек Селенги, Хилка, Чикоя. В дореволюционное время эти территории входили в состав Верхнеудинского округа Забайкальской области.

В Забайкалье исторически проживают коренные этносы: эвенки, буряты, — основой жизнеобеспечения которых является кочевое животноводство. Старообрядцы, поселившиеся здесь два с половиной века назад и развивавшие хозяйственную деятельность, также сформировали собственную культуру ведения животноводства, имеющую ряд особенностей. Животноводческий комплекс семейских включает в себя мясо-молочное скотоводство, коневодство, овцеводство, свиноводство. Животноводство изначально развивалось в хозяйствах старообрядцев на территории Забайкалья по хуторскому типу. Большое внимание семейские уделяли развитию мелкого скотоводства и птицеводства. В животноводческой практике старообрядцев также имели место изюбководство до середины XX века и звероводство (разведение чернобурых лис) на протяжении всего советского периода.

2. Развитие и роль животноводства в системах жизнеобеспечения семейских

Способ содержания сельскохозяйственных животных у семейских отличался от бурятского тем, что в зимний период домашние животные находились на стойловом содержании, а летом — на присельных выгонах,

расположенных вокруг сел и деревень и обнесенных «поскотиной» — загородкой из жердей. Осенью, после сенокоса и уборки хлебов, коров пасли по жнивью [Бураева, 2005]. Всех коров в каждом семейском селе пастухи выпасают в одном стаде. Пастухи всегда и до сих пор либо нанимались жителями деревень, либо жители сами по очереди пасли стадо. В начале XX века наемному пастуху выплачивалось в среднем 40—50 копеек с головы на весь период выпаса. Например, в с. Большой Куналей оплата составляла 40 копеек, в Мухоршибири семейские крестьяне отдавали по 20 копеек и 10 фунтов ярицы за одну голову [Крюков, 1896, с. 104—105]. Следует отметить и то, что в с. Урлук в начале прошлого столетия коров отдавали на выпас монголам с оплатой 40 копеек за одну голову. Такой порядок содержания сельскохозяйственных животных в семейских селах сохраняется и в настоящее время. Оплата пастухам, нанятым в том же населенном пункте, в 2008 году составляла, по словам информанта Р. Н. Дубинина (1982 г. р., с. Красный Чикой), 100 рублей в месяц за одну единицу крупного рогатого скота (далее — КРС) [ПМА, 2008].

Интересен тот факт, что в практике животноводства старообрядцы многое переняли у бурят, в частности, позаимствовали дифференцированную скотоводческую лексику бурят, названия животных как производителей, номинации признаков домашних животных, лошадей по масти [Бураева, 2005].

В годовых отчетах забайкальских губернаторов часто отмечалось, что рогатый скот в Забайкалье, в том числе и у старообрядцев, был довольно мелок [ГАИО, ф. 24, оп. 9 оц., д. 766, л. 17]. Неоднократно частными лицами делались попытки выписки улучшенных пород из европейской части России. Например, кяхтинский купец Н. М. Игумнов в 1840-х годах выписал холмогорскую породу и старался ее распространить. К сожалению, через несколько лет после выписки холмогорских коров случилась эпизоотия чумы и большая часть их погибла, что послужило серьезной помехой к разведению. Несмотря на это, холмогорские коровы распространились в некоторой части стад, принадлежащих старообрядческому населению, и, образовав помеси, стали особями более крупного роста, склада и с повышенной молочностью. Соответственно, они дороже ценились: обычная корова стоила 20—30 рублей, а теленок от холмогорки в два раза дороже [Путешествие..., 1992].

Наибольший вред развитию крупного рогатого скота наносили эпизоотии, первое место среди которых принадлежало чуме. В 1857 году чума проникла в Бичурскую волость Верхнеудинского округа и оттуда распространилась по соседним волостям и округам. Как правило, эпизоотический

очаг находился в центральной Монголии, болезнь проникала в Забайкалье с торговыми караванами и монгольскими коровами и лошадьми. Бороться с болезнями всегда было сложно, пока в 1903 году в Троицкосавском уезде не открылась противочумная прививочная станция [Бураева, 2005].

Овец семейские держали немного, с расчетом на получение шерсти для выделки сукна, вязания одежды и изготовления других предметов, необходимых в быту. С апреля и до первого снегопада следующей зимы мелких сельскохозяйственных животных пасли на подножном корму: на выгонах и в лесу. Кроме того, семейские разводили свиней, а из птицы — преимущественно кур. О количестве и структуре поголовья сельскохозяйственных животных у семейских в прошлом веке можно судить по таблице 1.

Таблица 1

Количество и структура поголовья сельскохозяйственных животных у семейских в 1898 году [Крюков, 1896]

Волость	Количество животных, голов						
	Коровы	Лошади			Свиньи	Козы	Овцы
		Рабочие	Нерабочие	Молодняк			
Коротовская	3553	3680	822	459	3725	41	5564
Красноярская и Байхорская	3624	4697	1147	420	4814	287	6255
Нижненарымская и Урлукская	3510	4110	981	462	5523	497	9918
Всего	10687	12487	2950	1341	14062	825	21737

Ввиду большого количества коров и лошадей в хозяйствах семейских среди других сельскохозяйственных работ значительное время и силы наряду с земледелием отводились сенокосу. Сенокосные угодья занимали достаточно обширные пространства, и они до сих пор делятся между жителями сел на паи. В начале XX века семейские испытывали большую потребность в сенокосах, своих угодий не хватало, поэтому нередко семейские арендовали их у бурят, которые недостатка в сенокосах не ощущали. Например, жители с. Окино-Ключи в 1890-х годах брали в пользование сенокосные луга с оплатой по 3—4 рубля за десятину в зависимости от качества травы [Крюков, 1896, с. 87]. Возможно, что старообрядцы могли бы в то время держать больше поголовья сельскохозяйственных животных, если бы их селения окружали наряду с пашнями и сенокосные угодья с высоким качеством травы на них.

По сравнению с другими жителями Забайкальской области семейские отдавали предпочтение в первую очередь развитию земледелия, а не животноводству, как например, крестьяне и казаки Читинского и Нерчинско-Заводского округов, которые занимали лидирующие позиции в разведении скота (табл. 2). В этих и других округах разведению лошадей, коров, овец и даже верблюдов [Гарбуз, 2009] способствовали природные условия, наличие степных ландшафтов, на которых расположены пастбища. В данном виде хозяйственной деятельности семейским приходилось прилагать усилия, поскольку земледелие немислимо без лошадей, а мясо-молочная продукция исторически входит в рацион русского населения.

Таблица 2

Распределение поголовья сельскохозяйственных животных по Забайкальской области в 1897 году [Гарбуз, 2009]

№ п/п	Округ	Количество лошадей	Количество КРС	Количество мелкого скота	Количество голов на одного жителя мужского пола
1	Читинский	28 979	61 087	90 658	16,9
2	Верхнеудинский	50 952	53 016	109 196	8,1
3	Селенгинский	19 493	15 613	21 545	5,7
4	Баргузинский	559	652	191	5,8
5	Нерчинско-Заводской	13 268	15 403	19 575	6,8

В исторический опыт хозяйственной деятельности семейских вошло инновационное животноводство — разведение изюбрей в неволе [Кирилов, 1889]. Если все сельскохозяйственные животные и способы обращения с ними староверам всегда были известны и привычны, при этом многое перенималось у иноэтничного окружения, то содержание изюбрей в Забайкалье явилось новым видом хозяйствования, и именно старообрядцев можно назвать пионерами регионального масштаба в этой сфере. Разведение изюбрей началось в долинах рек Чикой и Менза в 1820-х годах ввиду влияния рыночной конъюнктуры и спроса в азиатских странах на изюбровые панты. Только в 1949 году в с. Захарово Красночикийского района закрылась последняя ферма по содержанию изюбрей [Козлова, 2019; ПМА, 2008].

В период коллективизации и на протяжении всего советского времени, как известно, создавались животноводческие фермы, форма организации хозяйствования на которых, безусловно, изменилась, но, как отмечают ис-

следователи [Гурова, 2001; Бураева, 2005], сохранились методы ведения хозяйства, опирающиеся на предыдущий практический опыт и знания семейских. В селах создавались молочные свинофермы, птицефермы (рис. 1) и птицефабрики, кроме того, организовывались зверофермы по выращиванию одомашненных изюбрей и чернобурых лис. Полученную продукцию: мясо, шкуры, меха — все хозяйства сдавали государству.

Рис. 1. Семейские женщины на птицеферме, с. Бичура, 1940-е годы
[Историко-краеведческий...].

В настоящее время основными видами животных в хозяйствах семейских остаются коровы, лошади, свиньи и овцы. В личных подсобных хозяйствах семейские держат крупный рогатый скот (5—7 голов вместе с молодняком), свиней (в среднем 5) и кур (10—20). Крестьяне часто продают животных, в том числе и лошадей, скупщикам из г. Улан-Удэ. В последнее время в некоторых селах Красночикоьского района увеличилось поголовье лошадей. Так, например, почти каждая семья в с. Фомичёво имеет лошадей, всего их насчитывается приблизительно тысяча голов, а население в селе — около 500 человек [ПМА, 2008]. Семейские в пищу конину не употребляют, а используют лошадь в подсобных работах на полях и в тайге. Рост поголовья нерабочих лошадей связан

с тем, что этим животным не нужно заготавливать корма на зиму. Круглый год они пасутся вокруг сел. Поздней осенью, зимой и ранней весной лошади «копытят» корм, то есть отрывают сухую траву из-под снега копытами.

Возвращаясь к анализу ситуации в советский период, отметим, что недостаток сенокосных угодий вокруг сел по-прежнему ощущался, однако появилось много специализированной сельскохозяйственной техники, которая позволяла крестьянам перевозить необходимое количество скошенного сена из наиболее удаленных от сел участков. В наше время в связи с постперестроечным кризисом, отразившимся как на уровне жизни населения, так и на численности жителей в деревнях (отрицательный естественный прирост, миграция населения из мелких пунктов в крупные), сенокосных площадей вполне достаточно. Кроме того, в Красночикойском и Бичурском районах, где в течение последних 20 лет зарастают лесами бывшие колхозные поля, крестьяне заготавливают на них сено для своих хозяйств.

Интересно проследить за динамикой численности населения (которая показывает убыль) в семейских селах Забайкалья в XX веке на примере одного из старинных поселений старообрядцев в долине р. Чикой — села Урлук в Красночикойском районе. На рисунке представлена вековая динамика численности населения в соотношении с количеством дворов и количеством поголовья сельскохозяйственных животных (рис. 2). В начале прошлого столетия число жителей по сравнению с сегодняшним количеством было больше в два раза. Количество дворов в этом селе несколько увеличилось. Однако очевидна следующая разница: в 1895 году в одной семье в среднем проживало по 7 человек, в середине XX века — по 6 человек, а уже с конца 1990-х годов в одной семье в среднем проживает по 3 человека. Одновременно в течение века сократилось и поголовье коров, лошадей и других животных почти в два раза. В то же время общее число личных подсобных хозяйств, или дворов, в с. Урлук несколько возросло, что объясняется изменениями в семейно-бытовых отношениях. Если в начале века семьи братьев стремились жить под одной крышей с родителями и вести общее хозяйство, то в конце века в связи с развитием техники, появлением различных предметов быта, облегчающих труд людей, молодые семьи стремятся жить обособленно, вести самостоятельно личное подсобное хозяйство. На ситуацию оказали влияние также трансформации политического и культурного характера, произошедшие в 1920—30-х годах по всей стране и затронувшие социокультурное пространство семейских [Костров, 2010а; Костров, 2010б].

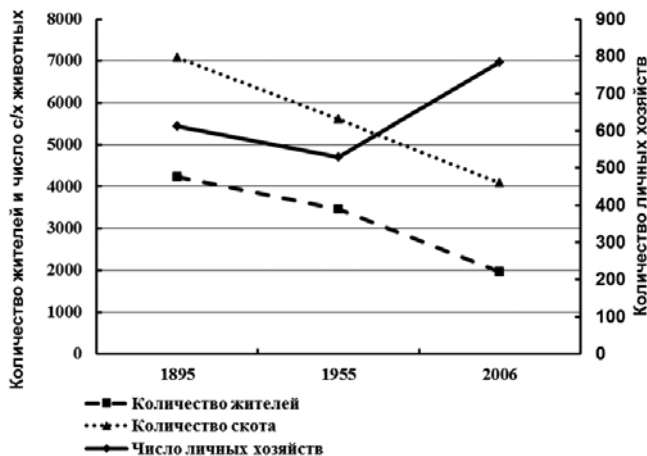

Рис. 2. Динамика численности населения в соотношении с животноводческими показателями, с. Урлук [Крюков, 1896; Отчёт ..., 1934; Архивные материалы ...; Федеральная ..., 2006].

В настоящее время семейские в своих личных хозяйствах держат свиней, при этом свинофермы во многих селах ликвидированы. Так, в расположенном в 3-х км от с. Малоархангельское сельскопроизводственном комплексе в советское время, по словам информанта Н. А. Иванова (1949, с. Малоархангельское), содержали около 12 тыс. голов свиней, в 2007 году — менее 105 особей. Продукция, получаемая в виде мяса, идет на общепит для рабочих сельскопроизводственного комплекса (а их всего около 10 человек) и продается местным торговым предприятиям [ПМА, 2008].

3. Символизм и некоторые традиции, связанные с животноводством

Корова всегда являлась кормилицей в каждой старообрядческой семье. От нее получали и получают основные продукты питания, кроме мяса, еще и молоко, творог, масло, сливки, сметану. В дореволюционное время старообрядцы наиболее трепетно относились к этому животному, о чем свидетельствуют исследования Ф. Ф. Болонева [Болонев, 1978]. Старообрядцы праздновали день Агафьи-коровницы в конце зимы, и в этот день женщины совершали обряды, оберегающие коров от болезней. В наше время пожилые семейские женщины придают значение различным приметам и суевериям, связанным с домашними животными. Наш респондент

Т. Л. Глазкова (1922—2012 годы, с. Фомичево) объясняла, почему нельзя есть коровьи сливки, сметану или масло вилкой и вообще пользоваться заостренными предметами: *У коровушки вымя заболит, доиться не будет* [ПМА, 2008]. В семейских селах раньше ходило поверье, что местные женщины, называемые колдовками, крадут коровье масло, по словам другого респондента В. И. Капустиной (1933—2009 годы, г. Хилок), *«Положишь готовые шарики масла в сенцах на окошко, а утром одного не видно. Колдовка забрала»* [ПМА, 2007].

Лошадь — основная тягловая сила и единственный вид транспорта. На ней пахали, свозили хлеба, ездили в лес, в гости, ходили в «ямщину», то есть занимались извозом. От хороших лошадей зависело благосостояние крестьянской семьи. Лошадь была первым помощником земледельца в его тяжелом труде. Лошадей в основном кормили сеном. Соотношение числа рабочих лошадей в хозяйствах крестьян Верхнеудинского округа в 1895 году выглядело примерно следующим образом: на две десятины распашки земли приходилась одна лошадь, на каждое хозяйство — по 2—3 лошади. А всего лошадей (рабочих и молодняка) на тот момент насчитывалось около 40 тыс. голов [Крюков, 1896].

Семейские, хотя лошадей и держат, потому что, как отмечалось выше, лошадь являлась и является большим подспорьем в хозяйственной жизни русских Забайкалья, но не употребляют в пищу конину, как многие другие жители этой местности. Респондент А. Ф. Козлова (1905—2003, с. Фомичево) объясняла, что *«когда Иисуса Христа зарыли в могилке, то пришла свинья и откопала тело, а конь зарыл обратно. Свинью есть можно, а коня нельзя»* [ПМА, 2008]. По словам У. М. Карповой (1938 г. р., с. Котый), лошадь — священное животное, *«потому что копыто у коня не расколонное. Господь есть не разрешал. А расколонное копыто разрешено Господом Богом. Меня тятя с мамой так учили, а им тоже родители говорили: Иисус в овчарне родился ..., овца тоже священное животное»* [Там же]. Сакральное отношение к лошади происходит не только из евангельского учения, но также из глубокой языческой древности. Ф. Ф. Болонев [Болонев, 1978] указывает на присутствие коня во многих магических обрядах семейских и упоминает о том, что конь в обрядности многих индоевропейских народов, в частности славян, был олицетворением солнечного света и самого солнца и связан с культом плодородия. Практически во всех семейских селах республики Бурятия и Забайкальского края распространен обычай прикреплять подкову коня на приусадебные парадные ворота. Подкова выполняет функции оберега. Считается, что таким образом привлекается удача в дом. В некоторых деревнях жители утверждают, что при-

креплять нужно только ту подкову, которой конь был подкован и которую впоследствии кто-либо из хозяев дома нашел на дороге.

У семейских старообрядцев существует давняя традиция приглашать на «свежину» (свежинину). Хозяева забивают животное и, приготовив различные блюда, угощают всех родственников и соседей. Самая популярная «свежина» из свинины, бывает также из говядины и баранины. Встречи проводятся после постов.

Также у семейских сохраняется старинная традиция помогать друг другу при строительстве домов, вообще всех построек, оказывать помощь при различных видах работ (сенокос, посевные, уборочные работы и т. п.), когда собираются целыми семьями и оказывается поддержка какой-то одной семье. Это мероприятие называют *пóмочь* (*идти на пóмочь, быть на помочáх*). Хозяева устраивают угощение после *пóмочи* в виде «свежины». Исследования показывают, что труд и традиция стоят на первом месте в иерархии ценностей семейских [Гаврилова, 2008]. Ранее перед трапезой старообрядцы совершали коллективные молитвы, но в настоящее время религиозные представления во многом утрачены, поэтому не во всех случаях мероприятие сопровождается чтением молитв. В то же время устойчиво сохраняется в семейских селах обычай приглашения на «свежину» всех родственников. Таким способом через традицию поддерживаются родовые связи и коммуникации в сельской среде, создается коллективизм.

4. Заключение

Животноводческий комплекс в системах жизнеобеспечения семейских начал свое формирование практически сразу после поселения их в Забайкалье и претерпевал постоянные трансформации в количественном и качественном измерениях на протяжении двух веков. Животноводческое хозяйство у старообрядцев выстраивалось по европейскому типу, однако с течением времени семейские переняли некоторые практические методы у бурятских общин, позаимствовав в том числе животноводческую лексику. Старообрядцы впервые в Забайкалье стали разводить изюбрей в неволе. Таким образом, можно заключить, что специфика развития животноводства у семейских носит традиционный характер с инновационными элементами и отражает пластичность адаптационных механизмов старообрядческих сообществ в Забайкалье.

Наивысшего уровня развития животноводческий сектор в жизнеобеспечивающих системах семейских достиг к концу XIX века, и на протяжении XX века его дальнейшее существование регулировалось государ-

ством. В личных подсобных хозяйствах количество домашних животных ограничивалось, а животноводческие фермы при коллективных хозяйствах вышли на первый план. С конца XX века по настоящее время развитие семейного животноводства претерпело ряд изменений, в частности, продолжают развиваться личные подсобные хозяйства, количество сельскохозяйственных животных в которых не ограничивается, но государственных животноводческих ферм практически не осталось.

Сельскохозяйственные животные до сих пор занимают важное место в повседневной жизни семейских. Во многих полевых работах (сенокос, уборка урожая и т. д.) используются лошади, кроме того, они являются основным гужевым транспортом.

Отношение семейских к животным обуславливает сложившийся символизм: например, символизм в отношении к лошади представляет собой реликтовую форму древнеславянских верований и частично сохраняется до сих пор. С некоторыми животными (овцы, свиньи) связано проведение праздничных мероприятий в рамках родовых традиций. Таким образом, животноводство — это не только значительная часть сферы быта семейских, но область их жизни, в которой находит свое отражение нематериальная культура.

Источники и принятые сокращения

1. *Архивные материалы* в россыпях Красночикийского историко-краеведческого музея им. Н. В. Гладких, с. Красный Чикой, Забайкальский край.
2. ГАИО — *Государственный архив Иркутской области*. Ф. 24 — Канцелярия Приамурского Генерал-губернатора министерства внутренних дел, г. Хабаровск Амурской области, 1879—1909 годы. Оп. 9 ОЦ. Д. 766. Л. 17.
3. *Федеральная служба государственной статистики по Читинской области*, 2006 год. Муниципальный архив Красночикийского района Забайкальского края.
4. *Историко-краеведческий музей им. С. Ю. Широких-Полянского*, с. Бичура
5. ПМА — Полевые материалы автора С. А. Козловой, 2007—2008 годы.

Литература

1. *Болонев Ф. Ф.* Народный календарь семейских Забайкалья (вторая половина XIX — начало XX вв.) / Ф. Ф. Болонев. — Новосибирск : Издательство «Наука», 1978. — 160 с.
2. *Бураева О. В.* Межкультурное взаимодействие этносов Байкальского региона (XVII — начало XX вв.) : диссертация ... доктора исторических наук / О. В. Бураева. — Улан-Удэ, 2005. — 440 с.
3. *Гаврилова Е. А.* Доминирующие ценностные ориентации старообрядчества Забайкалья / Е. А. Гаврилова // Вестник Читинского государственного университета. — 2008. — № 1 (46). — С. 110—113.

4. *Гарбуз И. В.* Крестьянство Забайкалья второй половины XIX века : монография / И. В. Гарбуз. — Улан-Удэ : Издательство БГСХА им. В. Р. Филиппова, 2009. — 143 с.

5. *Гурова О. Н.* Традиционное природопользование коренного населения Читинской области : диссертация ... кандидата географических наук / О. Н. Гурова. — Улан-Удэ, 2001. — 145 с.

6. *Кирилов Н. В.* Полуудомашненные изюбри в Верхнеудинском округе / Н. В. Кирилов // Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества. — 1889. — Т. X. № 4. — С. 13—16.

7. *Козлова С. А.* Вспомогательные промыслы в системе жизнеобеспечения старообрядцев Западного Забайкалья / С. А. Козлова // X Конгресс этнографов и антропологов России : Тезисы докладов. Москва, 2—5 июля 2013 г. — Москва : ИЭА РАН, 2013. — С. 236.

8. *Козлова С. А.* Золотодобыча в Забайкалье в 19—20 вв. и участие в ней старообрядцев / С. А. Козлова // Регионоведческий исследовательский журнал «Ойкумена». — 2012. — № 3. — С. 33—39.

9. *Козлова С. А.* Огородничество как важный жизнеобеспечивающий фактор в хозяйственно-культурных комплексах старообрядческих общин Западного Забайкалья / С. А. Козлова // Иркутский историко-экономический ежегодник. 2012. — Иркутск : Издательство БГУЭП, 2012а. — С. 120—124.

10. *Козлова С. А.* Торговля в системе жизнеобеспечения старообрядцев Забайкалья в XVIII — начале XX века / С. А. Козлова // Научный диалог. — 2019. — № 2. — С. 237—252.

11. *Костров А. В.* Советская власть и старообрядцы Байкальской Сибири в 20-е гг. XX в. / А. В. Костров // Новый исторический вестник. — 2010а. — № 1 (23). — С. 35—42.

12. *Костров А. В.* Старообрядчество Байкальской Сибири в «переходный» период отечественной истории (1905—1930-е гг.) / А. В. Костров. — Иркутск : Издательство ИГУ, 2010б. — 444 с.

13. *Крюков Н. А.* Западное Забайкалье в сельскохозяйственном отношении / Н. А. Крюков. — Санкт-Петербург : тип. В. Киршбаума, 1896. — 228 с.

14. *Отчёт* 3-й кедровообследовательской партии 1933 г. : рукопись // Архив администрации муниципального района «Красночикойский район», 1934. — 241 с.

15. *Путешествие по Забайкалью* // Путешествие на Восток Государя императора Николая II (1890—1891). — Улан-Удэ, 1992.

16. *Рагулина М. В.* Культурная география : теории, методы, региональный синтез / М. В. Рагулина. — Иркутск : Издательство Института географии СО РАН, 2004. — 171 с.

17. *Ямсков А. Н.* Ключевые компоненты дисциплины «Этническая экология» и основные проблемы университетских курсов по этноэкологии и смежным областям науки / А. Н. Ямсков // Этнос и среда обитания. Выпуск 6 : Этноэкологическое образование. — Москва : Старый сад, 2018. — С. 14—46.

18. Ямсков А. Н. Проблемы и перспективы использования понятия «жизнеобеспечение» и его производных в этнологии и археологии / А. Н. Ямсков // Этнографическое обозрение. — 2017а. — № 1. — С. 90—92.

19. Ямсков А. Н. Системы жизнеобеспечения и хозяйственно-культурные типы / А. Н. Ямсков // Этнос и среда обитания. Сборник статей по этнической экологии. Выпуск 5. Исследования систем жизнеобеспечения. — Москва : Старый сад, 2017б. — С. 36—46.

20. Ямсков А. Н. Экологические функции основных компонентов традиционной культуры / А. Н. Ямсков // Этноэкологические исследования. Сборник статей к 80-летию со дня рождения В. И. Козлова. — Москва : Старый сад, 2004. — С. 36—60.

Traditional Animal Husbandry of Transbaikalia Old Believers (Semeiskiye): Dynamics and Symbolism

© Svetlana A. Kozlova (2019), orcid.org/0000-0001-5056-0346, senior lecturer, Department of Hunting Studies and Bioecology, Irkutsk State Agrarian University named after A. A. Ezhevsky (Molodyozhnyy, Russia), svetsergol@yandex.ru.

The article is devoted to traditional animal husbandry in the economic complexes of the Old Believers (Semeiskie), who live in Transbaikalia, in valleys of the rivers Selenga, Khilok and Chikoy since the mid-18th century. It is noted that Semeiskiye animal husbandry was always of subsidiary nature and included the breeding of large and small cattle. Live-stock complex is considered in the dynamics during the 19th, 20th and early 21st century. It is shown that the transformation processes in Semeiskiye farms associated with historical transitions that occurred in the 20th century, such as the establishment of Soviet power, the perestroika period, determined the modern look of livestock farming. The author points out that Semeiskiye non-material culture contains many elements of pagan themes of the pre-Petrine era, expressed in rites, beliefs and omens. In the article one can trace it in relation to animals and the products obtained from them. It is reported that the special attitude of Old Believers is saved to the horse. The author proves that it is a relict phenomenon of the old Slavic ancient horse cult, which can be observed in our days. When writing this work, archival sources were used, firstly introduced into scientific circulation, as well as field materials of the author for 2007—2017.

Key words: Old Believers; Semeiskie of Baikal region; animal husbandry; dynamics; symbolism.

Material resources

Arkhivnyye materialy v rosspyakh Krasnochikoyskogo istoriko-krayevedcheskogo muzeya im. N. V. Gladkikh, s. Krasnyy Chikoy, Zabaykalskiy kray.

Federalnaya sluzhba gosstatistiki po Chitinskoy oblasti (2006). In: *Munitsipalnyy arkhiv Krasnochikoyskogo rayona Zabaykalskogo kraya.*

GAIO — *Gosudarstvennyy arkhiv Irkutskoy oblasti.* F. 24. Kantselyariya Priamurskogo General-gubernatora ministerstva vnutrennikh del, g. Khabarovsk Amurskoy oblasti, 1879—1909 gody. Op. 9 OTs. D. 766. L. 17.

Istoriko-krayevedcheskiy muzey im. S. Yu. Shirokikh-Polyanskogo, s. Bichura.
PMA — *Polevyye materialy avtora S. A. Kozlovoy, 2007—2008 gody.*

References

- Bolonev, F. F. (1978). *Narodnyy kalendar' semeyskikh Zabaykalya (vtoraya polovina XIX — nachalo XX vv.)*. Novosibirsk: Izdatelstvo «Nauka».
- Burayeva, O. V. (2005). *Mezhkulturnoye vzaimodeystviye etnosov Baykalskogo regiona (XVII — nachalo XX vv.)*: dissertatsiya ... doktora istoricheskikh nauk. Ulan-Ude.
- Garbuz, I. V. (2009). *Krestyanstvo Zabaykalya vtoroy poloviny XIX veka*: monografiya. Ulan-Ude: Izdatelstvo BGSKhA im. V. R. Filippova.
- Gavrilova, E. A. (2008). Dominiruyushchiye tsennostnyye orientatsii staroobryadchestva Zabaykalya. *Vestnik Chitinskogo gosudarstvennogo universiteta, 1 (46)*: 110—113.
- Gurova, O. N. (2001). *Traditsionnoye prirodopolzovaniye korennoho naseleniya Chitinskoy oblasti*: dissertatsiya ... kandidata geograficheskikh nauk. Ulan-Ude.
- Kirilov, N. V. (1889). Poluodomasnennyye izyubri v Verkhneudinskom okruge. *Izvestiya Vostochno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva, X (4)*: 13—16.
- Kostrov, A. V. (2010a). Sovetskaya vlast' i staroobryadtsy Baykalskoy Sibiri v 20-e gg. XX v. *Novyy istoricheskiy vestnik, 1 (23)*: 35—42.
- Kostrov, A. V. (2010b). *Staroobryadchestvo Baykalskoy Sibiri v «perekhodnyy» period otechestvennoy istorii (1905—1930-e gg.)*. Irkutsk: Izdatelstvo IGU.
- Kozlova, S. A. (2012). Zolotodobycha v Zabaykalye v 19—20 vv. i uchastiye v ney staroobryaditsev. *Regionovedcheskiy issledovatel'skiy zhurnal «Oykumena», 3*: 33—39.
- Kozlova, S. A. (2012a). Ogorodnichestvo kak vazhnyy zhizneobespechivayushchiy faktor v khozyaystvenno-kulturnykh kompleksakh staroobryadcheskikh obshchin Zapadnogo Zabaykalya. In: *Irkutskiy istoriko-ekonomicheskiy yezhegodnik. 2012*. Irkutsk: Izdatelstvo BGUEP. 120—124.
- Kozlova, S. A. (2013). Vspomogatelnyye promysly v sisteme zhizneobespecheniya staroobryaditsev Zapadnogo Zabaykalya. In: *X Kongress etnografov i antropologov Rossii: Tezisy dokladov. Moskva, 2—5 iyulya 2013 g.* Moskva: IEA RAN. 236.
- Kozlova, S. A. (2019). Torgovlya v sisteme zhizneobespecheniya staroobryaditsev Zabaykalya v XVIII — nachale XX veka. *Nauchnyy dialog, 2*: 237—252.
- Kryukov, N. A. (1896). *Zapadnoye Zabaykalye v selskokhozyaystvennom otnoshenii*. Sankt-Peterburg: tip. V. Kirshbauma.
- Otchet 3-y kedrovoobследovatel'skoy partii 1933 g.: rukopis'. (1934). In: *Arkhiv administratsii munitsipalnogo rayona «Krasnochikovskiy rayon»*.
- Puteshestviye po Zabaykalyu. (1992). In: *Puteshestviye na Vostok Gosudarya imperatora Nikolaya II (1890—1891)*. Ulan-Ude.
- Ragulina, M. V. (2004). *Kulturnaya geografiya: teorii, metody, regionalnyy sintez*. Irkutsk: Izdatelstvo Instituta geografii SO RAN.

- Yamskov, A. N. (2004). Ekologicheskiye funktsii osnovnykh komponentov traditsionnoy kultury. In: *Etnoekologicheskiye issledovaniya. Sbornik statey k 80-letiyu so dnya rozhdeniya V. I. Kozlova*. Moskva: Staryy sad. 36—60.
- Yamskov, A. N. (2017a). Problemy i perspektivy ispolzovaniya ponyatiya «zhizneobespecheniye» i yego proizvodnykh v etnologii i arkhologii. *Etnograficheskoye obozreniye*, 1: 90—92.
- Yamskov, A. N. (2017b). Sistemy zhizneobespecheniya i khozyaystvenno-kulturnyye tipy. In: *Etnos i sreda obitaniya. Sbornik statey po etnicheskoy ekologii*, 5: *Issledovaniya sistem zhizneobespecheniya*. Moskva: Staryy sad. 36—46.
- Yamskov, A. N. (2018). Klyuchevyye komponenty distsipliny «Etnicheskaya ekologiya» i osnovnyye problemy universitetskikh kursov po etnoekologii i smezhnym oblastyam nauki. In: *Etnos i sreda obitaniya*, 6: *Etnoekologicheskoye obrazovaniye*. Moskva: Staryy sad. 14—46.